

РЕЦЕНЗИИ

© 1999 г., ЭО, № 6

Образование, быт и права греков Ставрополя: Материалы и документы 60–90-х гг. XIX в. / Сост. Е.С. Папандопуло. Пятигорск, 1998. 198 с. Коммент. Именной указ. Топонимический указ. Илл.

Понтийские греки. Краснодар, 1997. 216 с.

Начиная с VII в. до н.э. ионийцы (ионяне) – одна из основных групп древнегреческих племен, обитавшая на Балканском п-ове в Аттике, на островах Эгейского моря и на побережьях п-ова Малая Азия, основывали многочисленные колонии на берегах Черного и Мраморного морей, в частности в Северном Причерноморье. Потомки колонистов, расселившихся вокруг Черного моря (греч. Понт Эвксинский), имеют такое же самоназвание, как и все современные греки *ромёос* (ед.ч. мужск. рода), а свой язык называют *ромейкён*. В широкое употребление вошло и региональное наименование *пóнтиос*, в русифицированной форме – понтийцы (название языка *пóнтиакá*).

В течение многовековой истории в понтийской среде сформировались свои культурные особенности и особая языковая форма, поэтому ныне понтийцев можно определить как этнокультурную общность – составную часть греческого (эллинского) этноса.

Понтийская диаспора в мире обширна. Греков-понтийцев много в европейских странах, в США. Даже в самой Греции они образуют отдельные анклав. На территориях, в разное время вошедших в состав Российской империи, греки из Малой Азии расселялись в первые века нашей эры, но нас сейчас интересуют те мигранты, которые покидали пределы Османской империи и переходили на российские земли в XIX в. по мере присоединения к Российскому государству областей в Закавказье и на Северном Кавказе. Миграционные волны поднимались после окончания каждой русско-турецкой военной кампании: основывались многочисленные поселения в Грузии, Аджарии, Абхазии, было освоено Цалкинское плато в Центральной Грузии, в 1860-е годы началось заселение Прикубанья, Ставрополя, прилегающих к ним местностей. Стремление православных подданных Османского государства перейти под покровительство России совпадало с задачей, стоявшей перед российским правительством: заселить земли Северного Кавказа, которые опустели после ухода части коренного населения в Турцию по окончании Кавказской войны в 1864 г.

Деятельность правительственных учреждений, ведавших передвижением, расселением и обустройством мигрантов, отражена во многих деловых бумагах того времени. Президент Научного центра понтийских исследований Е.С. Папандопуло (Пятигорск) задалась целью выявить в архивах и опубликовать материалы, освещающие историю переселения греков, их быт и права. В рецензируемом сборнике нашли место 85 документов из Государственного архива Ставропольского края. Почти все они публикуются впервые, причем в соответствии с современными правилами правописания и с сохранением языковых особенностей XIX в. Каждый документ снабжен кратким заголовком, указывающим на его автора и адресата, дату и место составления, а также шифрами архивохранилища. Сборник дополнен комментариями, именным и топонимическим указателями, факсимиле некоторых документов и фотографиями из личного архива автора. По замыслу составителя, публикация рассчитана на исследователей, преподавателей вузов, аспирантов, студентов и на всех интересующихся историей этого края.

Документы, включенные в первый раздел сборника – «Социально-экономические условия расселения греков в Ставропольской губернии в 60–90-е годы XIX в.», – расположены в хронологическом порядке и повествуют о том, как местная администрация готовилась к приему мигрантов. Именуя греков «несчастливыми переселенцами», она намеревалась расселить их на первых порах в домах государственных крестьян и снабжать хлебом из общественных запасных магазинов. Земли отводились им в Пятигорском округе на урочищах Султанского аула, в Погоуте и других местах среди ранее поселенных там русских крестьян и казаков. На каждую мужскую душу отводилось по 15 десятин земли. Для первоначальной запашки администрация предполагала снабжать новопоселенцев семенным зерном; при первом урожае они должны были вернуть соответствующее количество зерна. Выходцам из Турции предоставлялись значительные льготы:

освобождение от рекрутской повинности для переселенцев и их сыновей (с условием, что дети, родившиеся на российской земле, повинности подлежать будут), освобождение на шесть лет от воинского постоя, на восемь лет – от денежных и натуральных повинностей (с. 14, 25, 64–65, 66–67, 91–95).

Реализовать эти намерения оказалось непросто. Не все местности, предназначенные для переселенцев, были благоприятны для жизни: нередко там не хватало водных ресурсов или вода была плохого качества. Холодные зимы, плохое обустройство, скученность во временных жилищах и прочие невзгоды вызывали заболевания, высока была смертность среди переселенцев (с. 26, 27, 32).

Подобные обстоятельства заставляли мигрантов по своей инициативе искать более благоприятные места на Ставрополье, в окрестностях Сухуми, а порой и возвращаться восвояси, например, в Грузию (с. 13, 32–36, 51, 52, 55, 57, 58, 60, 62).

Не все переселенцы были способны сразу же овладеть приемами местного хлебопашества. Среди них были специалисты по горному делу, обработке мрамора, каменотесы, а в сельском хозяйстве жителей Понта преобладали овощеводство, виноградарство, садоводство, табаководство (с. 179). Увеличивали трудности и случавшиеся в те годы неурожаи. Неумение греков сразу взяться за обычные для местного русского населения полевые работы раздражало местную администрацию, которая полагала, что этот народ от природы ленив и необщителен.

Местные жители дивились земляным домам, которые греки сооружали по прибытии на новоселье, и называли такие жилища презрительно «лисьими норами» (с. 41, 106). А между тем земляные дома на Цалкинском нагорье, откуда переселились на Ставрополье некоторые греческие группы, оказывались приспособленными к местным условиям, подобно армянскому *галтану*, грузинскому *дарбази*, азербайджанскому *карадаму*. Автор этих строк в 1990 г. видела на Цалке заброшенные, но еще сохранившиеся земляные дома, а в 1950-х годах они, по свидетельству местных жителей, еще преобладали в нескольких селах¹. Подобные жилища наряду с некоторыми особенностями традиционного костюма и другими деталями быта представляют собой элементы культуры обширного переднеазиатского историко-культурного комплекса.

Сложности обустройства греков на новом месте усугублялись еще и тем, что не всем и не всегда были ясны условия, на которых принимались новые поселенцы. Они зачастую ожидали большей помощи, чем могли предоставить местные власти, а те в свою очередь упрекали мигрантов в иждивенческих настроениях. Кроме того, существовала разница в размерах податей и в порядке их уплаты в Тифлисской губ. и на Ставрополье. Не для всех переселенцев были понятны и приемлемы порядки принесения присяги и оформления подданства Российской империи (с. 13, 38, 39, 47, 68–79, 80–90).

Все эти и им подобные недоразумения заставляли российскую администрацию предписывать своим консулам, организовывавшим выезд православных людей из Османской империи, ограничивать численность иммигрантов, или выбирать наиболее обеспеченных из них, или же на худой конец брать с них обещание не требовать дополнительных средств на обустройство (с. 15, 18).

Второй раздел сборника – «Материальная и духовная культура греков Ставрополья» – содержит не только архивные документы, но и фрагменты предыдущих работ сотрудников Научного центра². Из этих материалов выясняется, что большинство греков, перебравшихся на Ставрополье в 1860-х годах, вышли из местности Шерия (или Хериана) и соседствовавшей с ней области Келькит, расположенных южнее г. Гюмюшхане (греч. Аргируполис) в горных районах Понта, где они занимались горнорудным делом. Эмиграция христиан из этих мест направлялась в Россию, а также в другие места Понта (с. 100–103).

Мигранты шли по маршруту Арзрум – Карс – Цалка – Тифлис – Владикавказ – Прохладная – Георгиевск – Ставрополье, где обосновывались в селах Султан (Султановское) и Ногут, а позже основали новые села – Греческое и Дубовую Балку (с. 112–113)³.

В селах Султановское и Ногут (даты основания соответственно 1866 и 1868 гг.) жили совместно греки и русские; в каждом населенном пункте они входили в единое сельское общество. Переделы земли происходили раз в пять лет. И греки, и русские занимались земледелием на сравнительно плодородных почвах, придерживаясь примитивной двупольной системы, а также разведением крупного рогатого скота и овец. Сельские ремесленники обслуживали местные нужды. Транспортным средством служили воловь упряжки. Дети обучались на русском языке в одноклассных школах Министерства народного образования и в церковно-приходских училищах (с. 123–139).

Нельзя сказать, что между греками и русскими сразу же установились дружеские отношения: давали себя знать различия в культурных навыках и манере поведения, греки не могли сразу освоить правила землепользования и другие порядки (впрочем, и русские крестьяне в бюрократических законах не очень разбирались). Постепенно жизнь налаживалась, и уже к 1890-м годам относятся свидетельства русских чи-

новников о взаимном усвоении русскими и греками различных бытовых навыков и приемов хозяйствования. Греки постепенно привыкали к новым условиям быта, обнаружив немалые адаптивные возможности (с. 145–159)⁴. Характерно, что понтийский язык получал постепенно большее распространение, чем в Турции, и стал основным языком внутрисемейного общения. Языком внешнего общения был русский.

Поиски более благоприятных условий для жизни и хозяйства послужили причиной основания новых сел – Греческого и Дубовой Балки. Были и другие поводы для выселения: стремление жить своим обществом, избегая конфликтов с соседями. В этом проявилась склонность греков к социальной толерантности – они готовы были создавать новые поселения и тем самым снимать межэтническое напряжение (с. 170–174)⁵. В течение более чем столетней жизни на Северном Кавказе понтийские греки сохраняли свои этические установки: уважение к старшим и безусловное им подчинение, приверженность к православной религии и большую тягу к образованию (с. 175–176).

* * *

Книга «Понтийские греки», изданная стараниями специалистов из Краснодарского края, логически продолжает историю греков-мигрантов из Понта. Очень интересна статья, в которой рассказывается об античных погребениях из курганов в окрестностях Фанагории – греческого города, основанного во второй половине VI в. до н.э. и просуществовавшего до XII в. н.э. (авторы Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, с. 46–57). Исследование христианских храмов IX–XIII вв. в верховьях Кубани выявляет значительное влияние византийской культуры на аланов – насельников Прикубанья той поры (авторы В.Н. Каминский, И.В. Каминская-Цокур, с. 58–68). В XII–XV вв. греки жили в итальянских торговых факториях Северо-Восточного Причерноморья, где деловые связи с итальянскими партнерами на сравнительно выгодных условиях стимулировали активность греческих купцов. Принимая подданство Генуэзской республики, греки постепенно сливались с итальянским и местным населением. Закат факторий наступил после османского завоевания, греки растворились среди разноэтничных подданных Османской империи (авторы статьи В.Б. Виноградов, И.А. Польшкова, с. 69–72).

Чрезвычайно интересно сообщение И.В. Кузнецова о том, что греки (одновременно с армянами) появились в Закубанье между X и XIV вв. в результате немногочисленных затухавших переселенческих волн из Крыма и Малой Азии. Они жили среди адыгейцев и говорили на их языке: армяне (черкесогаи) имели самоназвание *ермэл*, греки – *урум*. Греки в известной степени включились в адыгскую культурную среду, сохранив православную религию и некоторые обряды. Позже, оказавшись в составе Российского государства, несколько раз переселяемые с места на место российской администрацией, они сблизились с казачеством и в настоящее время практически все русскоязычны, устойчиво сохраняя при этом свою этническую культуру (с. 3–45).

Расселению и укоренению греков в Прикубанье посвящена статья А.А. Киселева (с. 73–79), в которой анализируются данные Первой всероссийской переписи 1897 г.: ромеоязычных на территории Кубанской обл. было свыше 20 тыс. чел., урумов (туркоязычных) – свыше 1 тыс. чел., говорящих на адыгском (черкесском) языке – 59 чел., общая численность греков – 21,5 тыс. чел.

Присутствие среди греков довольно значительной группы говорящих на турецком языке всегда привлекало внимание исследователей. Ныне установлено, что они делятся по месту выхода предков на несколько групп: *гюмюкханцы*, *пасены*, *ова* и *кро*. История перехода на турецкий язык (восточная группа диалектов турецкого языка с рядом особенностей, которые отличают их от других диалектов Восточной Анатолии) и переселения *урумов* (таково их самоназвание) в Россию в общих чертах известна. В.И. Колесов – автор статьи «Материалы по истории и этнографии греков-урумов» (с. 90–106) – сообщает очень подробные сведения о расселении в Цалкинском районе Грузии не только греков, но и мигрантов иной этнической принадлежности и религии (немцев, армян, грузин, цыган, азербайджанцев), о перемещении части «цалкинцев» в другие местности Кавказа, публикует собственные полевые материалы, касающиеся быта и разных сторон этнической культуры современных урумов.

Исследователю греческой диаспоры в России не может обойти вниманием факты депортации греков Северного Кавказа, Закавказья и Украины в 1930–1950-х годах. В статье А.Н. Коцоница (с. 80–90) цитируются документы, в которых греки (как и другие этнические общности, не имевшие своей административно-территориальной единицы) определялись как политически неблагонадежные и подлежали всяческим утеснениям: были ликвидированы их национальные районы и сельсоветы, закрыты школы и все культурные учреждения, репрессированы деятели культуры. Уже с 1940 г. производилась «зачистка» пограничных районов. Формально она касалась иностранных подданных, а на деле высылке подлежали не

только обладатели греческих паспортов (выданных еще в начале 1920-х годов), но и граждане СССР. Депортация представителей многих этносов началась накануне второй мировой войны, продолжалась и в годы войны, и после ее окончания. В 1943 г. из действующей армии были демобилизованы все солдаты и офицеры греческой национальности (равно как корейцы, болгары, калмыки, балкарцы, ингуши, чеченцы). Греков сослали в Казахстан, республики Средней Азии и в северные районы России. Частичная правовая реабилитация греков была проведена только в марте 1956 г. К статье приложены факсимильные копии документов: решение ЦК ВКП(б), постановление Государственного комитета обороны, приказ Народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берин.

Значительная часть статей рецензируемого сборника касается современной культурной специфики понтийских греков. А.П. Попов подробно анализирует легенду о происхождении источника «Святая вода» (с. 107–115); природные феномены – очертания скалы, напоминающие раскрытую ладонь, и несколько бьющих из земли источников (в Грушевой Балке близ ст-цы Неберджаевской в Краснодарском крае) – сочетаются с широко распространенной в европейской мифологии легендой о борьбе Св. Георгия со змеем ради освобождения подземных вод. Для греков особенно характерен развитой культ Девы Марии, и именно в день Успения Богородицы 28 августа понтийцы собираются в этом почитаемом месте. Христианский праздник сопровождается истинно языческим приношением в жертву барана, подкрепляется верой в целительные свойства воды природных источников и обычаем вешать на ветвях растущих по соседству деревьев лоскутки материи. По нашим сведениям, ежегодное посещение Грушевой Балки ныне превратилось в веселый многолюдный пикник.

Статья И.В. Гололобова «Понтийский танец» (с. 116–123) написана рукой профессионала и снабжена схемами танцевальных движений. В греческой народной танцевальной культуре преобладает групповой (хороводный) танец. По мнению специалистов, такая особенность художественного творчества выражает соборность, общность народа, подобно русской хоровой песне⁶.

Большая серия статей рецензируемого сборника представляет собой публикации полевого этнографического материала, собранного в самые последние годы (в чем и заключается его ценность) по единой программе. Среди них – обширная работа К.Г. Дмитриева об истории и современном состоянии греков Ставрополья и Карачаево-Черкесии (с. 173–181) и более краткие очерки пос. Витязево (К.Э. Григорян, с. 125–132), с. Мерчанское (К.Г. Дмитриев и Ф.В. Христофорида, с. 150–154) и нескольких районов Краснодарского края: Геленджикского (А.В. Сивер, с. 133–143), Крымского (И.В. Гололобов, Е.В. Гирник, В.И. Колесов, А.В. Попов, с. 144–149), Северского (А.В. Попов, И.А. Торпица, с. 155–172).

В каждом очерке сообщается об этническом составе населения, что очень важно: ни один населенный пункт не является ныне моноэтническим. Русский язык служит посредником в повседневном и деловом общении, это язык школы, всех средств информации. Ромейский язык сохранился лишь в узко бытовой сфере чисто греческих семей, которых становится все меньше из-за высокого процента этнически смешанных браков. В частности, возникают брачные связи местных ромеоязычных греков с урумами – туркоязычными мигрантами из Цалкинского и Гетрицкаройского районов Грузии (с. 158, 170–171).

Авторы всех этнографических очерков касаются истории основания конкретных греческих сел Прикубанья, описывают обряды жизненного цикла их обитателей и – что совершенно правильно – современное состояние обрядовой сферы. Читатель узнает также о традиционном и современном костюме описываемых групп, о системе питания и многом другом. На традиционную культуру на протяжении столетнего пребывания греков на Кавказе оказывали влияние окружающие народы, а в последние два десятилетия в связи с увеличивающимися контактами с Грецией – и культура балканских греков. Особенно отражено это в песенном и танцевальном фольклоре.

Урбанизация понтийской культуры и особенно быта началась с момента расселения греков на Кавказе. Греки составляли не только сельское население: многие жили в городах. Об истории греков Владикавказ повествует В.А. Шахбазов (с. 182–192). После присоединения Грузии к России многочисленные группы мастеровых греков участвовали в строительстве Военно-Грузинской дороги. Они-то и оказались первопроходцами, поселившимися в крепости Владикавказ в 1820-х годах и указавшими своим соплеменникам пути для переселения и трудоустройства – преимущественно в качестве рабочих-строителей. Автор проанализировал пофамильные списки как этих первых, так и последующих мигрантов – беженцев из Карсской обл. История владикавказских, как и других греков, омрачена периодами муниципализации в 1920-х годах жилого фонда, которыми греки – мастеровые и торговцы – успели избежать к тому времени, репрессиями 1930-х годов, бедами второй мировой войны. В настоящее время в городе насчитывается свыше 3 тыс. греков, местное Греческое общество помогает возрождению национальной культуры.

Греческому населению Керчи посвящена статья М.А. Абдуллаева (с. 193–199). Греческая община Керчи наиболее интенсивно формировалась в конце XVIII – середине XIX в. из потомков эмигрантов разного времени и различных мест выхода, в том числе из Понта и Приазовья. Описание местной культурной специфики подкрепляется материалами городского краеведческого музея и фотографиями из личного архива автора.

Оба рецензируемых сборника содержат ценные, документально подтвержденные материалы, их публикация заслуживает одобрения. Издание этих книг свидетельствует об активной деятельности научных учреждений Северного Кавказа. Надо пожелать им дальнейшей успешной работы.

Примечания

¹ *Иванова Ю.В.* Полевой дневник. Грузия. 1990 г. Л. 26, 27.

² Греки на Северном Кавказе. Тез. докл. науч.-практ. конф. Май 1993 г. Пятигорск, 1993; Вопросы истории понтийских греков в России. Пятигорск, 1994.

³ См. также: *Папандоуло С.* Моя малая родина. Ставрополь, 1990.

⁴ *Иванова Ю.В.* Роль адаптации в формировании этнической культуры греческой диаспоры на Кавказе // Греки на Северном Кавказе. С. 23–26.

⁵ *Папандоуло С.* Указ. раб. С. 15–18.

⁶ *Тифтикиди Н.Ф.* Понтийская песня // Этнограф. обозрение. 1998. № 6. С. 70.

Ю.В. Иванова